

Неприкосновенный Запас, №. 1 (3), 1999

См. Также: Неприкосновенный Запас, №. 2 (4), 1999

ЧЕЛНОЧНАЯ ОДИССЕЯ: Листки из дневника 1992 года

Григорий Фрейдин

Со временем понимаешь, как глубоко Одиссея иронизирует над тягой к возвращению. Что тяга эта присуща человеку и неодолима, никто лучше Гомера не описал. И тем мощнее сила его иронии. Вернуться-то, оказывается, нельзя. На Итаке уже *не то*, и она сама – *не та*. Но и уехать из дому – желание утопическое. Петля по Одиссее, видишь, что и это, казалось бы, свободное путешествие есть ни что иное как сверх-прогулка на сверх-длинной пуповине-поводке. Древние это понимали отчетливо. А уж в XX веке просвещенное сознание, как гриб, настоено на этой иронии – от Фрейда с его «возвращением вытесненного» и пониманием желания как тяги вернуться в утробу до подчеркнуто анахроничной эклектики архитектуры пост-модернизма, которая с ухмылкой нам подносит наши излюбленные «итаки» – мол, у нас тут и готика с рококо, и югенд-штиль, и немножко Корбюзье, плюс ампи́р с баухаусом – и все на одном подносике. Пожалте вам ваша история. Она теперь не во времени, а в пространстве.

А рядом тихо гудит компьютер, накачивая мне в кабинет Россию из единиц и нулей, и пространство интернета сжимается до точки и мгновенно, , как вспоротый живот в *Петербурге* Белого, расширяется до космических масштабов.

* * *

«Ночь, улица, фонарь, аптека.» Надо прибавить «интернет», и тогда получится

Ночь. Интернет. Фонарь. Аптека.

У Манделштама: «Век, сеновал, сон.» Прибавим «интернет» и получим:

Век, интернет, сон.

Как хорошо оказывается вписывается в речь интернет. Даже немножко страшно.

* * *

Я – человек половинчатый. Я – челночный человек. Мои первые двадцать пять лет никого из России, то бишь СССР, не пускали. В 1971 г. я вдруг вылетел как пробка из бутылки, и вторые семнадцать, которые я отсчитал уже в Америке, не пускали назад. В 1988, когда стало можно, я принялся ездить. И с тех пор, как маятник – туда-сюда. Из ставшей моей американской Калифорнии, из моих Беркли-Стэнфорда, мне уже не уехать: все равно, как Одиссеей, вернусь. Но и от России –

тоже не уйти, хоть и возвратиться именно в ту, куда тянет, где родился и вырос, и тем более в ту, что была до 1968 года, -- *низзя*.

В начале 80-х, я шел по West End Avenue в Нью-Йорке. Улица – смесь какого-то московского Юго-Запада с архитектурой Кутузовского, помноженная на московскую осеннюю смурь. Иду мимо старого двора. Заглянул: там играют в волейбол пацаны и уже перезрелые дылды, как когда-то в моем дворе на Армянском. И так ловко эта сцена наложилась на мои собственные тени, что получилась хорошая черно-белая фотография: картинка из моего детства в Нью-Йорке. Виртуально, но факт.

Так и живу, пополам. Мне дважды по двадцать пять, как когда-то тем, что умерли молодыми. Но я в добавок еще и жив.

* * *

В 1991-м мне повезло: с 19 по 21 августа я был у Белого дома. А 22-го – в самом Белом доме, когда толпа по-брейгелевски шербатых депутатов (с подачи взведенного победой Б.Н.Е.) улюлюкала, распиная приехавшего на поклон, жалкого как дранная кошка Горбачева. Картина пронзительная, врезалась в память, но не смутила и не заставила призадуматься. Тогда мне казалось, я вернулся в август 1968-го: все шло с точностью до наоборот. Шли 19-го танки, на них наши солдатики с молодыми простецкими лицами, как тогда в Праге – но день-два, и вот уже *наша* *взяла*.

Не хотелось верить, да и просто в голову не приходило в пылу победы, закрепленной опасностью смерти и пролитой на Садовой крови, что трагедия 1968 года, развернутая наоборот – это, скорее всего, пародия. И как бывает трагическая ирония, так должна быть в конце XX века и трагическая пародия – пародия всерьез. После августовского экономического краха с его коалиционным правительством Примакова-Герашенко-Маслюкова, с президентом, походящим все больше и больше на экспонат из кунсткамеры (вот оно возвращение вытесненного!) последние семь лет представляются именно такой *пародией всерьез*.

Пародией – потому, что исполнение мечты наяву всегда пародийно; так во всех сказках о трех желаниях. А всерьез – потому, что это были семь лет настоящей, драгоценной жизни. Ее-то и не хотелось бы прятать в сюжет, ограниченный горизонтами 98-го года. Поэтому и решился поделиться дневниковой записью, своего рода фотографическим отпечатком жизни тогда. Сделал я эту запись по-английски, когда вернулся из Москвы в Беркли осенью 1992 года и перечитал свои письма, которые я по электронной почте (а она уже была!) слал из Москвы друзьям и жене.

* * *

А в июле 98-го в Москве, после двухлетнего отсутствия мне казалось, что наконец-то, произошел отрыв – и не только из-за отсутствия в периметре Садового кольца напоминаний о коммунистическом прошлом, не только из-за видимого изобилия для обширного в Москве класса состоятельных людей, а, главное, из-за того, что моя Москва показалась впервые городом для горожан. Именно для горожан, а не для столичных граждан -- этой клаки, предназначенной для парада всемогущей, но по-русски топорной, власти. Повсюду открытые кафе, магазины, работающие 24 часа, газоны, на которых располагается вечером молодежь, клубы – все дышало причастностью горожан к месту своего обитания. Отчуждения как ни

бывало. Казалось, что память о том, что было стирается, истлевает на глазах, и захотелось вспомнить о начале пост-советской эпохи, благо сохранились в компьютере [записки из доисторического 1992-го года](#). Оставалось дать им короткую заставку. Это в июле. А в августе разразился крах, и [заставка вышла двух-этажная](#).

Беркли-Стэнфорд, октябрь 1998 г.